

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЕ

После смерти Иисуса Христа его ученики объединились в общину, и именно в такой форме действовали первые организации христиан. Верующие здесь обладали одинаковыми правами, хотя были уже и руководители — апостолы, пророки, учителя, которые занимали руководящее положение только благодаря личным качествам. Те, кто посвящал свою жизнь миссионерским странствиям, получали звание апостола или евангелиста; кто удостоивался дома видений и посвящал себя служению местной общине, объявлялся пророком; кто занимался учительством, назывался учителем или дидаскалом. Хотя эти должности в основном занимали мужчины, но женщины тоже могли исполнять такие службы. Так, для пророчества Святой Дух мог избрать любого человека. Таковыми и стали четыре дочери диакона Филиппа, упоминаемые в Деяниях Святых Апостолов (с судьбой одной из них, мученицы Ермионии, знакомят нас Жития святых)². В Филадельфии в I в. во главе общины стоит пророчица Аммия. Апостол Павел предвидел выступления женщин как пророчиц на общинном собрании (I Кор. 11.5).

Первые собрания христиан проводились в домах богатых единомышленников, которые становились духовными центрами, руководимыми чаще всего женщинами: в Фиатире (Македония) апостолов Павла и Силу принимала Лидия (Деян. 16.14), позднее здесь же им помогали Евдия и Синтихия (Филипп. 4.2); в Афинах Павел останавливается у Дамари (Деян. 17.34), а в Колоссах — у Нимфы.

В Житиях Святых описывается жизнь и деяния равноапостольной Феклы. Дочь иконийского богача, уже обрученная, она отказывает жениху и идет в темницу слушать проповедь апостола Павла, за которым следует в Антиохию. Здесь она была арестована и обрела венец мученицы, второй по счету после святого Стефана. Позднее она поселится на горе близ Селевкии и будет заниматься врачеванием. Здесь же и умрет (С.466–478).

Таким образом, прослеживается довольно активное участие женщин в распространении учения; в вопросах веры они часто были опорой новозаветных патриархов. В более поздних посланиях Павла встречаются слова о “даре управления”, который скорее всего был связан с появлением новых должностных чинов в общине — епископов, пресвитеров и диаконов. Первоначально они исполняли хозяйственные функции. Почетную должность пресвитера (“старшего”) мог занять не всякий: для этого нужен был определенный возраст и строгое соблюдение установленного общиной образа жизни.

У женщин старицы назывались вдовами. Так же, как и пресвитером, вдовой не могла стать любая женщина. В первом послании к Тимофею (5.9–10) апостол Павел призывает всех христиан, у которых есть родственницы-вдовы, самим заботиться о них, а не перекладывать эту заботу на общину. По-видимому, для оказания помощи вдовам из них избиралась одна, которая и наблюдала за остальными. Павел указывает, что вдовица не должна быть моложе 60 лет, “бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам, если она воспитывала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу”.

Упоминания о существовании сословия вдов встречаются и в других памятниках. Таковою вдовою или пресвитеридою в “Пастыре” Герма была Грапта, которая должна была видения Герма прочесть сиротам и вдовам римской общины². Эта же группа высмеивается Лукианом в сочинении “О кончине Перегрина”³ за заботы о попавшем в заключение авантюристе — перегрине Протее, притворившемся христианином. Институт вдов не был случайным в христианской организации. Его появление говорит скорее всего о поисках новых организационных форм и связанных с ними различных должностей внутри христианских еkkлeсий, одни из которых в дальнейшем закрепились, а другие исчезли.

Высшая власть в общине вначале принадлежала собранию верующих. Но со временем, с увеличением числа членов общины, а также с возрастанием

количества и усложнением содержания дел, подлежащих рассмотрению, формируется определенный круг из старших лиц, которые сами могут справиться с этими делами. Появляется и определенный обряд посвящения старших в должности — рукоположение. Ко II в. община постепенно распадается на клир во главе с епископом и мир.

Женскую часть общины возглавляли вдовы (пресвитериды). Причем при посвящении в пресвитериды вдова не рукополагалась, а только поставлялась. Об этом говорится и в памятнике, подробно исследованном Гарнаком: “Вдовиц должно быть поставлено три. Две для того, чтобы пребывать в молитве за всех, находящихся в искушении, и для получения откровений, когда таковые нужны, а одна из них должна присутствовать при женщинах, посещаемых болезнями, она должна быть готова на служение, трезвенна, о случаях нужды извещать пресвитеров, не должна быть корыстолюбива и пить много вина, чтобы быть трезвою при ночных служениях”⁴.

По своим функциям должность вдовы в это время занимала среднее положение между древней пророчицей и позднейшей диаконисой. Во II в. это достаточно стабильно функционирующий институт.

Как видим, перечень обязанностей вдов был достаточно расплывчат, более конкретно о них говорит уже Василий Великий: “вдовице... поступившей в чин действительных вдовиц, надобно пребывать в молениях и молитвах, постясь день и ночь” и “проводить жизнь в заботе и тщании”⁵. Он также подчеркивает, что вдовы в IV в. включались в отдельные списки и получали пропитание от церкви⁶. Эти правила лишают вдов того довольно высокого положения, которое они занимали раньше, имея места в собрании рядом с пресвитерами и диаконами. Почему это произошло? Одно из наиболее очевидных объяснений — широкое распространение в середине – второй половине II в. ересей, с которыми ортодоксальное христианство ведет непрерывную борьбу. А женщины во многих сектах играли ведущие роли: Марцеллина у карпократов, женщины-пророчицы у Марка; в секте монтанистов наряду с Монтаном выступают пророчицы Прескилла и Максимила, женщины могли здесь выполнять также функции пресвитеров и епископов⁷. Осуждение ереси Монтана в начале III в., вероятно, оказалось решающим моментом в развитии церковного антифеминизма, приведшим к отказу женщинам проповедовать, учить и повелению только повиноваться.

В результате этой борьбы христианские вдовы превратились в обычных мирян. Последний удар этому институту нанес Лаодикийский собор (середина IV в.), предписавший, “что не должно в церкви поставлять так называемых пресвитерид, т.е. председательниц”⁸.

Первый литургический христианский сборник начала III в. “Египетский церковный ордер” добавляет к перечисленным ранее церковным должностям чтецов и субдяконов. Для нас в этом перечне особый интерес представляют “девы”. Достаточно обширные сведения о них можно найти в Творениях Фасция Цецилия Киприана. Он высоко оценивает отказ дев от плотских утех: “Первый плод сториичный — это плод, приносимый мучениками, второй же шестидесятикратный — принадлежит вам. И как у мучеников нет помышления о плоти и мире... так и у вас... да будет близок и подвиг терпения”⁹.

Его мнение разделяют и другие отцы церкви. Так, Тертуллиан, Амвросий Медиоланский, Климент Римский неоднократно обращались к примерам добродетельного поведения дев в назидание верующим, призывая их к праведной жизни. Большинство святых, канонизированных позднее христианской церковью, отвергали брак и посвящали себя служению богу.

В период становления христианства отношение последователей Христа к браку было довольно негативным. Это было вызвано порочной, развратной жизнью римской знати, которую христиане порицали, а также ожиданием скорого конца света и необходимостью позаботиться о личном спасении. Поэтому девственное состояние было довольно естественным для первых христиан. Позднее же оно стало уделом немногих, своеобразным “подвигом”.

В таинствах девы не принимали никакого участия. Они должны были слушать, иногда повторять за диаконом некоторые тексты при богослужении. Основное

требование к ним — обет целомудрия, но добровольный, в отличие от жриц восточных культов. Девственница, нарушившая свой обет, не сразу изгонялась из церкви: она могла покаяться и продолжать праведную жизнь¹⁰.

В III–IV вв. был установлен даже возраст причисления к чину дев (17 лет)¹¹, хотя они не поставлялись и не рукополагались. Вероятно, довольно лояльное отношение к поведению девственниц связано с тем, что данный институт постепенно терял свое значение и массовый характер. Ко времени соборного христианства девственницы были лишь небольшой группой в общине.

И позднее девы и вдовы, надо полагать, пополняли ряды монахинь, но уже на этапе утверждения киновитийного монашества, ибо в III в. “отшельничество”, за редким исключением, было чисто мужским делом.

Место вдов в общинной иерархии постепенно занимают диакониссы. Возникла эта должность довольно рано: упоминание о ней встречается уже в послании апостола Павла к Римлянам, где фигурирует некая Фива, “диаконисса церкви Кенхрейской” (16.1), вероятно, занимавшая высокое положение в своей общине.

Но в основном диаконисы в это время были лицами незначительными. Так, по церковным правилам 70–90 гг. II в. диаконисы были обязаны “надзирать за больными, обо всем, что нужно было в этой сфере... докладывать пресвитерам”.

Тот же апостол Павел в первом послании к Тимофею (3.11) еще раз говорит о женщинах-диаконах, но в данном случае, вероятно, имеются в виду жены диаконов, которые не занимали никакого положения в церковной иерархии.

В новом качестве этот институт выступает уже в III в. Правила первого Вселенского собора говорят об диаконисах как о должности, которая лишь по внешности причисляется к клиру, т.е. они не рукополагаются и поэтому “могут считаться совершенно в числе мирян”. Позднее четвертый Вселенский собор определяет возраст поставления (40 лет); причем теперь диакониса проходит через обряд рукоположения¹².

Кто же мог занять эту довольно почетную должность? “По общему правилу диаконисами могли быть только вдовы после первого брака или пожилые девы, и в виде исключения кое-где допускались женщины, жившие в бесплодном браке”¹³.

Перечень их обязанностей также довольно четок: уход за больными христианами, наблюдение за благочинием и порядком среди женщин во время богослужения, наставление женщин, обращающихся в христианство, прислуживание епископу при крещении женщин и замещение его, помазание тела, кроме чела, наблюдение за храмовою дверью, в которую входили женщины, и запрет входить недостойным. По сути, почти все эти обязанности раньше исполняли вдовы (кроме крещения). Новым было также то, что они должны были заботиться о чистоте женских отделений в храмах и опекать вдов, дев и женщин общины. Как видим, положение в общине женщин-диаконов становилось все более стабильным и прочным.

Но так было на востоке Римской империи после ее раздела на Восточную и Западную. На западе даже в 251 г. в римской общине не было никаких женских должностей, а вдовы находились только на положении призреваемых. Можно предположить, что одной из причин этого явления было широкое распространение здесь еретических движений, борясь с которыми церковь не допускала женщин к руководящим должностям в общине.

Несколько позднее подобная судьба постигнет этот институт и на востоке империи. На последних вселенских соборах не было даже упоминания о женщинах клира. Постепенно эта должность отмирает, хотя титул встречается даже в текстах XIII в. Позднее функции диаконис отошли к настоятельницам монастырей. Затем диаконисами стали называть не только настоятельниц, но и простых монахинь. В церковную же иерархию и в руководство общины доступ женщине был окончательно закрыт.

¹ См.: Жития святых по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. СПб., 1992. Т.I. С.113–115. Дальнейшие сноски см. в тексте.

² См.: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1990. С.199.

³ Там же. С.248.

- ⁴ Гидулянов П. Женщина в раннехристианском богослужении. Ярославль, 1908. С.21.
- ⁵ Василий Великий. Нравственные правила. 74. СПб., 1993. С.31.
- ⁶ Он же. Творения. СПб., 1911. Т.3. С.222.
- ⁷ Ранович А.Б. О раннем христианстве. М., 1959. С.129.
- ⁸ *Canones Laodic.* С.11.
- ⁹ Киприан. Творения. Киев, 1891.
- ¹⁰ Он же. Письма. 3; Василий Великий. Письма. 191. 18.
- ¹¹ Деяния вселенских соборов. Казань, 1864. Т.6. Правило 40. С.604.
- ¹² Там же. Т.1. Правило 19. С.173–174; Т.4. Правило 15. С.333.
- ¹³ Гидулянов П. Указ. соч. С.27.

Ю.А. БЛАШКОВ

ФИНАНСОВЫЕ МОТИВЫ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В РОССИИ

На рубеже XVIII–XIX столетий в России углублялся процесс разложения феодально-крепостнических отношений. Правящие круги вынуждены были принимать определенные паллиативные меры для стабилизации экономической и политической обстановки. Существенное место в их ряду отводилось организации военных поселений. Первостепенное значение для появления последних имел фактор необходимости сокращения расходов на содержание большой и дорогостоящей армии в условиях резко обозначившейся нестабильности финансовой системы страны. Прослеживание взаимосвязи подобных явлений представляется весьма любопытным.

В начале XIX в. государственный долг составлял 408,5 млн руб. асс., что превышало десятилетний доход страны. Последующие годы ознаменовались дальнейшим ухудшением состояния финансов России: к 1810 г. сумма государственного долга простиралась уже до 667 млн руб. асс.¹ Для властей была очевидной необходимость принятия срочных мер. Составлением программы по выходу из тяжелого финансового положения занимались такие видные представители русской экономической мысли начала прошлого столетия, как М.М. Сперанский, М.А. Балугьянский, Н.С. Мордвинов, В.П. Кочубей и другие. Авторы предложенного Александру I "плана финансов" основную причину их кризисного состояния усматривали в несоразмерности государственных доходов и расходов. В той части "плана", где речь шла о сокращении расходов, в частности, отмечалось, что нужно "все необходимые издержки сохранить, полезные отложить, а излишние прекратить". В категорию "необходимых", наряду с другими, вошли расходы, "кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней". Естественно, прежде всего под ними подразумевались затраты на армию и флот. Характерно, что в дальнейшем они должны были оставаться единственными среди "необходимых" затрат².

Однако М.М. Сперанский и другие разработчики программы финансовой стабилизации или сознательно не предприняли попыток разрешения основного противоречия в бюджетной системе страны, или вовсе не видели возможности это сделать. Дело в том, что в условиях обострения в конце XVIII – начале XIX в. международной обстановки, участия России в антинаполеоновских коалициях, ведения войн с Ираном, Турцией, Швецией издержки на Министерство военносухопутных сил и Министерство морских сил составляли основную часть государственных расходов — они поглощали до 45–54% денежных сумм. Не менее интересно, что и в 1801–1803 гг., когда боевые действия не велись, затраты на армию составляли до трети всех государственных расходов³.

В рассматриваемый период российский бюджет был дефицитным, поэтому еще более разительные результаты дает сопоставление расходов на военные ведомства с реальными доходами государства. В начале XIX в. на их содержание уходило около половины всей суммы доходов. Однако в дальнейшем военные затраты значительно увеличились, превысив общие доходы страны. Так, уже в